

Снова приняв душ, Сун Цинчжи ощущал боль в ногах, независимо от того, сидел он или стоял. Временно не найдя противовоспалительных лекарств, он тихо приоткрыл дверь спальни. Бинго всё ещё крепко спал, его голые ножки выглядывали из-под одеяла.

Сун Цинчжи подошёл и поправил одеяло.

Внезапно Бинго, ещё в полусне, позвал папу. Не ограничиваясь словами, он повернулся и, протянув руку, схватил палец Сун Цинчжи.

— Бинго.

Сун Цинчжи поцеловал ребёнка в лоб, ощущая нежность и мягкость кожи, источающую молочный аромат.

Это был его ребёнок, который избавил его от одиночества и никогда не причинит вреда, только будет зависеть от него, доверять ему, связанный с ним кровью и плотью.

Сун Цинчжи почувствовал жар во всём теле и упал на кровать.

Обычно Бинго, этот липкий малыш, был как раскалённый уголь, заставляя Сун Цинчжи просыпаться несколько раз за ночь.

На этот раз, едва рассвело, в самое время для сна, Бинго, весь в поту, поднялся и увидел, что Сун Цинчжи лежит лицом вниз на постели, его худое тело скрючено.

На маленькой односпальной кровати осталось много свободного места.

— Папа.

Бинго позвал несколько раз, но Сун Цинчжи не шевелился и, вопреки обыкновению, не прижал его голову, чтобы снова уложить спать. Мальчик забеспокоился, быстро протянул руку, чтобы потрогать нос Сун Цинчжи. Горячее дыхание обожгло его ладонь.

— Папа, ты заболел, — тихо произнёс Бинго, сильно толкая тело Сун Цинчжи, пытаясь уложить его ровно.

Сун Цинчжи невнятно проронил, и Бинго, услышав своё имя, громко откликнулся:

— А.

Подождав немного и не получив больше никакой реакции, он побежал в гостиную, вытащил из морозильной камеры пакет со льдом и, держа его в руках, вернулся в спальню. Дрожа, он положил пакет на лоб Сун Цинчжи.

Сун Цинчжи вздрогнул от холода, ему стало ещё хуже.

— Папа...

Глаза Бинго покраснели.

Сознание Сун Цинчжи было спутанным, в голове мелькали образы. Он смутно понимал, что Бинго рядом и очень волнуется. Он хотел успокоить ребёнка, но не мог выговорить больше пары слов, лишь через некоторое время с трудом выдавил:

— Bin... go... жаропонижающее... книжный шкаф...

Бинго услышал слово «лекарство» и сразу же начал рыться в комнате.

Он был маленького роста, и до некоторых мест не мог дотянуться, но обладал достаточной силой, чтобы, встав на цыпочки, открыть все ящики. Наконец, во втором отсеке книжного шкафа слева он нашёл коробку с лекарствами.

Но там было несколько видов лекарств, а Бинго ещё не умел читать. Он не выдержал и с тревогой закричал:

— Папа, какое лекарство?

Сун Цинчжи ответил, но мальчик, прижав ухо, не смог разобрать слов.

— Папа...

Бинго потирал ухо, слёзы наворачивались на глаза. Его большие глаза смотрели с обидой, он не знал, что делать.

Сун Цинчжи продолжал мучиться, в полусне непроизвольно хмурясь, его тело время от времени вздрагивало, то ли от холода, то ли от боли.

— Я не буду плакать.

Бинго глубоко вдохнул, сдерживая слёзы, и начал искать другой выход.

Он увидел телефон на полу в гостиной и сразу же поднял его.

Это был телефон Сун Цинчжи. Бинго, всхлипывая, разблокировал его, бормоча:

— Папа.

Чтобы облегчить жизнь Бинго, Сун Цинчжи добавил в контакты Чжоу Синя с полной информацией: была и иконка, и быстрая клавиша, чтобы Бинго мог сразу позвонить.

Но на этот раз Бинго, увидев иконку Чжоу Синя, не стал звонить. Он знал, что мачеха собирается замуж, и не хотел беспокоить её, чтобы она не волновалась.

Поэтому Бинго нажал на номер последнего входящего звонка.

—△—

Бай Сы спал.

Вернувшись домой под утро в хорошем настроении, он принял душ и уснул на диване, обняв подушку, которую раньше любил обнимать Сун Цинчжи.

Бай Сы видел во сне, как обнимает Сун Цинчжи, и, увидев входящий звонок, улыбнулся и проснулся.

Это был звонок от Сун Цинчжи, и, что удивительно, видеозвонок — впервые.

— Учитель, вы так по мне скучаете?

Эта фраза уже была на языке у Бай Сы, но на экране появилась пушистая головка, с любопытством моргающая большими глазами, с густыми и длинными ресницами, точно такими же, как у Сун Цинчжи.

Бай Сы чуть не прикусил язык:

— Где твой папа?

Ребёнок не ответил.

Экран телефона затрясся, и Бай Сы увидел, как изображение повернулось, в конце концов остановившись на губах. Губы были красивые, с чётким ромбовидным контуром, но уголки рта были слегка белыми, явный признак обезвоживания.

Бай Сы услышал тихий стон боли.

Голос ребёнка раздался из-за экрана:

— Папа, какое лекарство?

Губы шевельнулись, и Бай Сы услышал «жаропонижающее», три неясных слова. Он вскочил с дивана:

— Учитель Сун? Сун Цинчжи? Вы заболели?

Изображение на экране снова перевернулось, и через мгновение показало кучу лекарств в различных упаковках. Голос ребёнка снова раздался из-за экрана:

— Скажи мне, какое лекарство сказал папа?

— Слева, — сказал Бай Сы. — Маленькая белая пластиковая бутылочка, таблетки светло-жёлтые, открой и посмотри.

Бай Сы наблюдал, как ребёнок ищет лекарство, одной рукой нащупывая одежду, чтобы надеть.

Ребёнок нашёл нужное лекарство, крикнул «спасибо» и сразу же бросил телефон в сторону. Бай Сы на экране увидел только старый потолок.

Он тут же закричал:

— Эй! Эй! Малыш, как твой папа?

Одежда была накинута кое-как, брюки висели на бёдрах, Бай Сы был готов выпрыгнуть из экрана и схватить ребёнка.

Сун Цинчжи услышал голос Бай Сы, ему стало ещё хуже, он нахмурился и в полусне пробормотал:

— Пошёл вон.

Бинго сунул лекарство в рот Сун Цинчжи и, взяв свою чашку с трубочкой, начал поить его водой. Из телефона продолжали доноситься звуки, а Сун Цинчжи всё повторял «пошёл вон», то громче, то тише, с глубоко нахмуренными бровями.

Хотя Бай Сы не был рядом, Бинго, видя беспокойство Сун Цинчжи, вдруг тоже разозлился, словно снова почувствовал тот странный, тревожный запах, который иногда исходил от отца или откуда-то ещё в последние дни.

Бинго взял телефон и сказал в экран болтающему Бай Сы:

— Хватит говорить, папе нужно спокойно отдохнуть.

И с громким щелчком положил трубку.

Бай Сы: «...»

Впервые в жизни Бай Сы сказали заткнуться.

Бай Сы был богат на практический опыт, но теоретические знания, как и его оценки по курсу физиологии и психологии АВО, которые ему поставил Сун Цинчжи, были нулевыми.

Он был озадачен, не понимая, как Сун Цинчжи мог заболеть. Думая о жаропонижающем, он решил, что это простуда, ведь общежитие было простым, а вчера они оба были и у стены, и на полу.

Чувствуя лёгкую тоску, не зная, то ли от невежливости ребёнка, то ли от чего-то ещё, Бай Сы раздражённо провёл рукой по волосам, схватил куртку, взял ключи от машины и вышел.

После вчерашнего дня настроение Бай Сы было особенно хорошим, словно все эти дни тоски развеялись, и Сун Цинчжи всё ещё был его.

Выйдя из общежития, Бай Сы не хотел никуда идти, напевая, он сразу же направился в свою квартиру, ближайшую к университету. Через десять минут он уже был у общежития Сун Цинчжи, поднимаясь по ступенькам по три за раз, с развевающимися полами одежды, и оказался у двери Сун Цинчжи.

Он постучал, и изнутри раздался голос ребёнка:

— Кто это?

Бай Сы хотел сказать «твой папа», но, вспомнив, что настоящий отец ребёнка лежит в постели, сказал:

— Брат, который только что звонил тебе.

Ребёнок явно долго колебался, прежде чем открыть дверь.

Открыв дверь, он сразу же встал в проёме, подняв глаза и глядя на Бай Сы.

Радость на лице Бай Сы было не скрыть.

Теперь он не мучился из-за того, что он любовник, и не переживал из-за того, что ребёнок — это дитя Сун Цинчжи и кого-то ещё. Он наконец-то внимательно рассмотрел ребёнка, который был точной копией Сун Цинчжи, только в миниатюре, и, в отличие от немного холодной отстранённости Сун Цинчжи, его взгляд был полон решимости.